

УДК 81'373:81'373.47
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-82-91
<https://elibrary.ru/lcumqz>

EDN LCUMQZ

Семантика русской экспрессивной лексики, связанной с употреблением алкоголя

Чжан Сяофэй

преподаватель русского языка

Шаньдунский университет

264200, КНР, г. Вэйхай, ул. Вэньхуаси, 180. 1311897238@qq.com

SPIN-код: 5103-8753

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3213-9835>

ResearcherID: LFT-1777-2024

Баженова Елена Александровна

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bazhenova_e2000@mail.ru

SPIN-код: 2117-6927

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4580-4128>

ResearcherID: L-9322-2017

Статья поступила в редакцию 18.06.2024

Одобрена после рецензирования 17.09.2024

Принята к публикации 20.09.24

Информация для цитирования

Чжан Сяофэй, Баженова Е. А. Семантика русской экспрессивной лексики, связанной с употреблением алкоголя // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 82–91. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-82-91. EDN LCUMQZ

Аннотация. Статья посвящена семантическому анализу экспрессивной лексики, выражающей представления носителей русского языка о винопитии. Материалом послужили экспрессивы, которые в разных социальных стратах (художественной литературе, разговорной речи, просторечии, сленге) репрезентируют отношение говорящих к референтам ситуации употребления алкоголя. Теоретико-методологической базой исследования выступили труды Н. А. Лукьяновой, Т. В. Матвеевой, В. Н. Телии и др. об экспрессивности как лексической категории, связанной с эмоционально-оценочным отношением субъекта речи к явлениям действительности и получающей выражение в коннотативной части лексического значения экспрессивного слова. Впервые на материале лексики алкогольной тематики проведен анализ двух компонентов значения экспрессива – интенсивности и эмотивной оценки. Установлено, что интенсивность экспрессивной лексики соотносится с отклонением от социально одобряемой нормы винопития и последующего состояния опьянения; экспрессивная лексика выражает как отрицательную, так и положительную оценку референтов. В связи с влиянием контекста на эмоциональную окраску экспрессивного слова подчеркивается сложность интерпретации его оценочного значения и описываются контекстные средства, которые позволяют более точно определить вектор эмоциональной оценки. Авторы приходят к выводу, что большой объем экспрессивных лексических единиц алкогольной тематики свидетельствует об их актуальности для речевого поведения носителей русского языка. Это подтверждает целесообразность дальнейшего изучения коллективных и индивидуальных представлений о культуре питания, зафиксированных в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: экспрессивность; компоненты экспрессивной семантики; русская экспрессивная лексика; лексика коммуникативной сферы «употребление алкоголя».

Экспрессивность как лингвистическое явление

Изучение экспрессивности в русском языкознании имеет глубокую традицию. Различным аспектам анализа экспрессивного русского слова посвящены труды Е. М. Вольф, Г. Я. Крейдлина, Н. А. Лукьяновой, Т. В. Матвеевой, Е. Ф. Петрищевой, И. А. Стернина, В. Н. Телии, М. И. Черемисиной, В. И. Шаховского и др. Теория экспрессивности в русистике развивается на базе идей А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Б. А. Ларина, В. А. Звегинцева. Одним из основоположников данной проблематики является Ш. Балли, заложивший основы экспрессивной стилистики. Предметом этой науки ученый считал «экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, т. е. выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [Балли 2001: 33].

Несмотря на обширную историю вопроса, категория экспрессивности относится к числу дискуссионных. См.: «В лингвистике существуют такие языковые феномены, которые чем глубже изучаются исследователями, тем больше остается и вновь возникает немало неясного, спорного в понимании их сущности. Экспрессивность относится к одному из таких феноменов» [Лукьянова 2015: 183].

Экспрессивные слова функционируют в разных сферах литературного языка и разных социальных стратах: художественной литературе, медиатекстах, литературно-разговорной речи, внелитературном просторечии, жаргонах, аргосленге, территориальных диалектах. В научной литературе экспрессивность рассматривается и как общезыковая категория, и как частная категория определенных уровней языка. Обзор различных подходов к изучению экспрессивности представлен в работах Н. А. Лукьяновой [Лукьянова 2008, 2009, 2012], Т. В. Матвеевой [Матвеева 2013], В. И. Шаховского [Шаховский 1987, 2008], Н. В. Зимовец [Зимовец 2009].

В энциклопедии «Русский язык» автором определения рассматриваемого понятия является В. Н. Телия: «**Экспрессивность** (от лат. *expressio* – выражение) – семантическая категория, характеризующаяся различными формами проявления экспрессивной функции языка, его способностью выражать в содержании языковых единиц многообразие эмоциональных и оценочных отношений субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутрен-

нем мире человека. Экспрессивность языковых единиц заключается в способности их содержательной стороны отражать эти отношения в виде особых, экспрессивных, признаков. При разнотипности и смысловом различии эмоциональных и оценочных признаков они, будучи субъективными, противостоят в языке объективному значению коммуникативных или номинативных его единиц» [Телия 1979: 403].

Акцентируем внимание на двух важных моментах приведенного определения.

Во-первых, в категории экспрессивности проявляется экспрессивная функция языка, выделенная В. фон Гумбольдтом наряду с коммуникативной и когнитивной функциями. Хотя количество языковых функций в работах разных ученых варьируется (например, Р. Jakobson выделял эмотивную, конативную, референтивную, денотативную, фатическую, поэтическую и метаязыковую функции [Jakobson 1975]), три основных функции, тесно связанных между собой, – коммуникативная, когнитивная и экспрессивная – признаются всеми исследователями.

Т. В. Матвеева, указывая на неразрывную связь функций языка, отмечает: «Экспрессивная функция языка вообще и слова в частности связана с адресантом речи, но, с учетом двустороннего характера языкового общения, позиция его субъекта неотрывна от позиции адресата речи. Идея самовыражения посредством языка, безусловно, находит свое воплощение. Однако реализуя коммуникативную функцию языка, субъект <...> открывает личное отношение к предмету речи для собеседника, часто с осознанной целью воздействия на сознание последнего. Так семантический аспект экспрессивности срастается с прагматическим, соответственно, экспрессивная функция может приравняться к прагматической (функции воздействия)» [Матвеева 2013: 5–6].

Во-вторых, свойство экспрессивности слова противопоставлено его другому свойству – номинативности. Эта идея впервые была высказана Ш. Балли [Балли 2001]. В работах российских лингвистов можно встретить различные трактовки номинативной функции экспрессивного слова. Так, М. И. Черемисина считает, что экспрессивная лексема не называет предмет, поэтому не выполняет номинативной функции [Черемисина 1979: 3]. По мнению Е. Ф. Петрищевой, «эмоционально окрашенные единицы лексики типа *лентяй*, *лодырь*, *балаболка*, *писака* и т. д. выполняют две функции – номинативную и экспрессивную» [Петрищева 1984: 170–175].

С точки зрения Н. А. Лукьяновой, номинативность соотносится с классифицирующей деятельностью сознания, то есть работой левого полушария головного мозга, в то время как экспрессивность – с работой правого полушария. Экспрессивная лексическая единица не столько называет предмет, признак, действие, сколько выражает человеческий фактор, поэтому экспрессивный фонд языка антропоцентричен [Лукьянова 2015: 188]. Этот вывод согласуется, в частности, с результатами сопоставительного анализа русских и китайских эвфемизмов [Го Тунцин 2015; Ли Цинхуа 2012; Сю Сяодань 2008 и др.]. Исследования китайских ученых свидетельствуют о том, что в экспрессивности как универсальном явлении в речи носителей разных лингвокультур в то же время отражается уникальная картина мира и система ценностей того или иного народа.

Завершая рассмотрение семантики экспрессивного слова, подчеркнем, что его лексическое значение состоит из двух частей. Основная и обязательная часть, связанная с реализацией понятийной функции языка, образует денотативный компонент значения – объективное содержание слова. Вторую часть семантики составляет коннотация, в которой сосредоточено субъективно-оценочное содержание экспрессива [Матвеева 2013: 8–9].

Материал и методы

Материалом исследования является словник объемом более 500 экспрессивных лексических единиц (слов, фразеологических сочетаний, разговорных идиом, окказиональных слов и выражений), связанных с употреблением алкоголя. Экспрессивы отобраны методом направленной выборки из следующих источников: словарей разного типа, Национального корпуса русского языка (НКРЯ), интернет-ресурсов, а также ответов информантов, участвовавших в лингвистическом опросе. При формировании словника отбирались экспрессивы, отражающие представления о винопитии носителей русского языка преимущественно второй половины XX – XXI в. и зафиксированные в словарях, составленных не только профессиональными лексикографами, но и неспециалистами-любителями. Целесообразность привлечения к семантическому анализу экспрессивов, функционирующих в просторечии, жаргонах, сленге и арго, обусловлена тем, что лексика, используемая в разных социальных средах, в совокупности дает целостное представление о винопитии как значимом фрагменте русской картины мира.

Семантическая структура экспрессивной лексики алкогольной тематики

Применительно к исследуемой лексике наиболее убедительной нам представляется идея

Т. В. Матвеевой о том, что экспрессивная семантика «крепится на каркасе объективно-логического значения» [Матвеева 2013: 9]. Исходя из этого экспрессивные слова алкогольной тематики характеризуются семантической двуплановостью: во-первых, они обозначают понятие о компоненте реальной ситуации, связанной с выпивкой (пьющий человек, процесс принятия алкоголя, спиртной напиток, степень опьянения и др.); во-вторых, в коннотации экспрессивов содержится субъективно-оценочная характеристика объекта речи. Коннотативная часть лексического значения противопоставляет экспрессивное слово его нейтральному аналогу – доминанте синонимического ряда. Например: **выпить** – бухнуть, выкушать, грохнуть, жахнуть, тяпнуть, шандарахнуть; **алкоголик** – забудыга, жмурик, колдырь, синюха; **пьяный** – готовенький, нарядный, подогретый, тепленький; **спиртной напиток** – белянская, вакса, заряд, зелье, синька; **бутылка** – ампула, бомба, мерзавчик, пузырек, фуфырик. Как видим, экспрессивные синонимы на фоне нейтрального стержневого слова характеризуют референты ситуации винопития с качественной или количественной стороны, при этом в аспекте такого количества, которое переходит в новое качество. Так, **жахнуть** – не просто выпить, а выпить быстро, мгновенно, с жадностью, без остатка; **забудыга, синюха** – не просто названия пьяного или пьющего человека, а характеристики спившегося, опустившегося человека, к которым прибегают в таких ситуациях, когда надо обозвать, а не назвать человека.

Проиллюстрируем, как сами носители русского языка осознают назначение экспрессивного слова.

*Вкусить **отравы** – используется для описания процесса потребления крепких алкогольных напитков, когда пьющие знают последствия их употребления (САТ); По сути любой алкогольный напиток является «сывороткой правды», после него всегда тянет на откровения (<https://otvet.mail.ru/>); Если человек выпивает умеренно, то про него не будут говорить, естественно, что он **кирял**, что он любит **кирять**, что он готов в любой момент **накиряться**. То есть в подтексте должно подразумеваться то, что «**киряющий**» – это именно злоупотребляющий, пьющий слишком много (<http://www.bolshoyvopros.ru/>).* Из приведенных высказываний очевидно, что говорящие используют экспрессивные слова не столько для называния алкогольного напитка, процесса питья, состояния опьянения и других реалий соответствующей ситуации, сколько для выражения к ней своего отношения.

Т. В. Матвеева справедливо отмечает, что двухкомпонентное лексическое значение экспрессивного слова (денотат и коннотация) не

является простой суммой объективно-понятийной и субъективно-оценочной семантики. Хотя эти компоненты тесно взаимосвязаны, ведущую роль играет коннотация, «ведь неоценочная номинация соответствующего объекта в языке уже создана» [Матвеева 2013: 11]. Н. А. Лукьянова также считает, что экспрессивные слова предназначены «выражать эмоциональное состояние говорящих в момент речи, характеризовать и давать субъективные оценки окружающим предметам и другим людям, усиливать впечатление адресата от полученной им информации, воздействовать на него» [Лукьянова 2015: 187].

Семантическая структура лексической экспрессивности

В семантике экспрессивной лексической единицы обычно выделяют три микроразличия: интенсивность, эмотивность (эмотивную оценку) и образность. В связи с ограниченным объемом статьи рассмотрим первые два, важные для анализа экспрессивов алкогольной тематики.

Интенсивность соотносится с такой квалификацией явления, которая демонстрирует отклонение от нормы, от некоторого «нуля нормативности», и вследствие этого воспринимается говорящими иначе, чем обычное, соответствующее социальной норме или мере, явление [Лукьянова 2015: 190]. Применительно к лексике, связанной с употреблением алкоголя, именно интенсивность самого процесса питья и состояния опьянения является основным микроразличием многих экспрессивов. Например, нейтральный глагол *выпить* в одном из своих прямых значений – ‘принять внутрь спиртного напитка’ – называет такое действие, которое может быть интерпретировано как соответствующее некоторой социальной норме. В отличие от него, глаголы *набухаться*, *наклюкаться* и т. п. актуализируют добавочный смысл ‘много / сверх меры’. Об актуализации этого смысла свидетельствуют, например, следующие высказывания: *А где Санёк, почему на работу не вышел? Опять, что ли, набухался?* (kartaslov.ru); *Я сегодня черт знает сколько выпил. Башка трещит. С утра, черт возьми, наклюкался* (Куприн. Штабс-капитан Рыбников). Как видим, экспрессивные глаголы *набухаться* и *наклюкаться* описывают ситуации иного плана, чем глагол *выпить*. Таким образом, в значении подобных глаголов можно выделить два микроразличия: 1) номинативное – ‘принять алкоголь’; 2) экспрессивное, входящее в коннотативную семантику, – ‘принять алкоголя много, сверх меры, утратив способность к адекватному поведению’. Проведенное нами исследование подтверждает выводы Н. А. Лукьяновой и Т. В. Матвеевой о том, что интенсивность экс-

прессивного слова связана с представлением говорящих о ненормативном в отношении некоторой социальной меры явлении.

Для анализа отклонения от стандарта Т. В. Матвеева вводит понятие **параметрического основания экспрессивности**, см.: «Зона гипертрофии того или иного признака, т. е. того состояния, когда этот признак в количественном отношении максимально приблизился к своей допустимой границе, – это и есть зона интенсивности, параметрической напряженности, которая фиксируется экспрессивными лексическими единицами» [Матвеева 2013: 20–21].

Наше исследование показывает, что практически вся экспрессивная лексика, характеризующая сильную степень опьянения, находится в зоне «параметрической напряженности». Так, можно быть пьяным *в дымину, в стельку, в дрова, вдрабадан, вдрызг, вусмерть, до беспамьятства, до посинения* и т. п. Интенсивность выпивки, превышающая стереотипные представления о норме, передается глаголами интенсивно-результативного способа действия: *надраться, нагрузиться, назююкаться, накидаться, накиряться, нахлебаться, обнулиться, обжабиться, обожраться, убухаться, умалыздаться* и т. п. В глаголах-интенсивах обращает на себя внимание употребление приставок *на-*, *об-* / *обо-*, *у-* в сочетании с постфиксом *-ся*. По данным толкового словаря, в возвратных глаголах приставка *на-* имеет значение ‘пресыщение действием самого действующего субъекта’ (СРЯ), то есть указывает на превышение нормальной меры действия.

При анализе экспрессивов алкогольной тематики обращают на себя внимание и лексические единицы, выражающие **экстенсивность** – «ослабление или значительное снижение меры характеризуемого объекта» [там же: 22]. Прежде всего экстенсивность наблюдается в семантике эвфемизмов, например: *принять по пять капель, выкушать, дары Вакха, поклонник Бахуса, веселительный напиток, сугрев, подшофе, махонькая* (о рюмке водки) и др.

Информацию о параметрическом признаке экспрессива дают источники трех типов: 1) словарные дефиниции; 2) комментарии говорящих; 3) контекстный анализ высказываний.

Приведем примеры **словарных дефиниций** (здесь и далее контекстный показатель параметрического признака выделен полужирным шрифтом): *не крепок на ногах* – ‘**сильно** пьян’ (БАС); *держаться бутылки, чарочки* – ‘**часто** выпивать спиртное’ (СЭРЯ); *запить горькую, мертвую* – ‘**предаться безудержному** пьянству’ (СЭРЯ); *употреблять* – ‘выпивать **немного** спиртного перед ответственным событием’ (СЭРЯ).

Комментарии говорящих облегчают анализ просторечных, жаргонных, а также индивидуально-авторских экспрессивов. Например: *принять* – ‘быстро выпить, чтобы **немного** опьянеть’ (<https://dzen.ru/>); *фуфырик* – ‘**очень** маленькая бутылочка с крепким алкоголем’ (<https://aif.ru/>); *в ауте* – ‘человек **очень** пьян’ (<https://otvet.mail.ru/>); *киряющий* – злоупотребляющий, пьющий **слишком много** (<http://www.bolshoyvopros.ru>).

Проиллюстрируем также **контекстные** показатели параметрического значения экспрессивов:

Они все же **хватили лишку**..., потому что на поминках и должен кто-нибудь **хватить лишку** (М. Палей. Евгеша и Аннушка); В свое время... отличилась даже принцесса Саудовской Аравии – **под сильным градусом она в кровь расцарапала бортипроводницу** авиакомпании «Транс уорлд эйруэйз» во время путешествия из Парижа в Бостон (Российская газета); Несмотря на ранний час, барон Бернгард Цу Штакельберг унд Вальдек **был уже не то чтобы «навеселе», но немножко «грузен»** и, разговаривая с Геннадием Тарасовичем, неторопливо прихлебывал свой французский арманьяк (Ю. Герман. Дорогой мой человек); Он освободился, утерся, встал из-за стола и по высокому звону в ушах понял, что **пьян в дугу, вдрезину, в бога** или во что еще там полагается быть пьяным, – одним словом, **пьян окончательно и бесповоротно** (И. Грекова. На испытаниях); Он без меры **накушался** домашней **семидесятиградусной нефilterованной тутовой водки** (Н. Абгарян. Всё о Манюне).

Обилие экспрессивов такого типа свидетельствует об их востребованности в речевом пользовании носителей русского языка, а также о сформированности коллективных и индивидуальных представлений о превышении границ социально одобряемой нормы употребления спиртных напитков.

Далее обратимся к анализу **эмотивного компонента** лексической экспрессивности. Лингвистический термин *эмотивность* употребляется в качестве аналога термина психологии *эмоциональность*. Эмотивный компонент значения экспрессивного слова выражает психические переживания и эмоциональную оценку – закрепленное в значении лексической единицы мнение субъекта относительно определенной реалии или ситуации.

Поскольку эмоции могут быть положительными и отрицательными, эмотивные оценки также подразделяются на два типа. **Положительные (позитивные, мелиоративные)** оценки являются «эмоционально возвышающими предмет речи» [Петрищева 1984: 161], они передают радость, одобрение, похвалу, ласку, восхищение, восторг и тому подобные чувства. **Отрицатель-**

ные (негативные, пейоративные) оценки являются «эмоционально принижающими предмет речи» [там же], они связаны с выражением неодобрения, неприятия, осуждения, пренебрежения, презрения, грубости и других подобных чувств.

Проиллюстрируем эмотивную оценку, заключенную в экспрессивах с «алкогольной семантикой».

Так, нейтральное слово *водка* противопоставлено мелиоративным синонимам *бальзам на душу*, *беленькая*, *веселительный напиток*, *водадуля*, *водица*, *дары Бахуса*, *целебное* и др., выражающим разные оттенки удовольствия от принятия алкоголя. Более того, некоторые эвфемизмы (например, *дары Бахуса*, *дары Вакха*), в случае их использования без иронии, способны создать возвышенную тональность речи. Пейоративная оценка заложена в семантику сниженных и грубых экспрессивов типа *водяра*, *злодейка с наклейкой*, *мертвая*, *отрава*, *пойло*, *синька* и т. п., которые демонстрируют скорее негативное отношение к водке.

Отрицательная эмоциональная оценка сопровождается многочисленными характеристиками пьяного человека (субстантивные, адъективные, глагольные, наречные, фразеологические), см.: сильно напиться – *до поросычьего визга*, *до беспамятства*, *до дрожи в руках*, *до синевы*, *залить глаза*, *залить зенки*, *лыка не вязать*, *упасть в синюю яму*; пьяный человек – *бухорылый*, *кривой*, *синюшный*, *убуханный*, *упоротый*, *еле живой*, *на бровях*, *на рогах*; напиться – *набухаться*, *надраться*, *накиряться*, *налакаться*, *нализаться*, *нахлестаться*, *нахрюкаться*; быть в состоянии сильного опьянения – *в дымину*, *в мат*, *в слюни*, *в хлам* и т. п.

Примеры показывают, что неодобрительные эмоции, касающиеся пьянства, ярко проявляются в многочисленных рядах стилистически окрашенных, сниженных слов. Очевидно, что по сравнению с положительными эмоциями отрицательные более разнообразны и многочисленны. Они сопровождают выражение неодобрения, осуждения, порицания, пренебрежения, презрения, отвращения, омерзения, недовольства, негодования, насмешки, сарказма и других подобных чувств.

Особое положение в системе эмоциональных оценок занимают шутка и ирония. Их истинный смысл нередко завуалирован: они в скрытом виде могут выражать как одобрение, так и неодобрение. Н. А. Лукьянова в связи с этим пишет: «Шутка – шутливое отношение говорящего к кому-либо, чему-либо – то, что говорят или делают не всерьез, ради развлечения, забавы, веселья. Ирония – тонкая, скрытая насмешка, взрыв-

ная сила которой замаскирована внешне серьезной формой <...> Говорящий стремится завуалировать свои чувства, но делает это намеренно так, чтобы слушающий догадался о них. На эту двусмысленность обычно указывает интонация» [Лукьянова 1986: 47]. Судя по нашей выборке, шутка и ирония по поводу принятия алкоголя выражаются экспрессивными лексическими единицами довольно часто.

Приведем примеры **шутливой** окраски экспрессивных глаголов: *Булькнул водки последний глоток, Подкрепленный нехитрой жарехой. Мы расслабились нынче чуток С шепотным дрессировщиком Лехой* (М. Казаченко. В зоопарке); *Купила пиво, сегодня буду джазить* (<https://zvukibukvy.ru/slang/>); *мы сегодня с ним помирились и чебурахнули по банке...* (Ю. Домбровский. Леди Макбет). **Ироничную** окраску экспрессивов иллюстрируют следующие примеры: *После веселых, многолюдных застолий с безмерными возлияниями Серова всё чаще остается одна в пустом доме* (В. Серова. Справочник трезвого алкоголика); *Тот же Мартеньянов любит иногда заглянуть в рюмочку. Знаем мы эти замашки! Сегодня рюмочка, завтра рюмочка, а там, глядишь, и стисся!* (А. Коптяева. Иван Иванович).

Однако точно интерпретировать оценочное значение экспрессивного слова весьма непросто, поэтому наблюдается разноречие в словарных пометах *неодобр.*, *пренебр.*, *презр.* и др. Н. А. Лукьянова в связи с этим замечает: «Ведь не случайна такая пестрая картина лингвистической интерпретации экспрессивов как в работах лексикологов, так и в словарях: она демонстрирует сложность самого предмета изучения – эмоциональной оценки как компонента семантического содержания лексических единиц» [там же: 45].

Нельзя не согласиться с мнением исследователя, что при анализе эмотивно-оценочной стороны экспрессива необходимо учитывать зависимость вектора оценки от эмоционального тона контекста в целом, поскольку в речевых актах часто происходит смена «знака оценки» – чаще позитивной на негативную, реже наоборот [Лукьянова 2015: 193]. Более того, автор справедливо считает, что такие эмоциональные реакции, как жалость, сочувствие, соучастие, досада, раздражение, возмущение, негодование, «не закрепляются в семантике лексических единиц в качестве ее компонента, а реализуются в речи, на уровне контекста» [Лукьянова 1986: 49]. Н. А. Лукьяновой описаны компоненты контекста, которые служат показателями экспрессивно-эмоциональной оценки [там же: 49–55]. Назовем некоторые из показателей и проиллюстрируем их примерами из нашей выборки.

1. **Общая эмоциональность фразы**, проявляющаяся в интонации, например: *Ты че талый [пьяный] что ли?* (<https://argo.academic.ru/>); *Ты что, с ума сошел, Соколов? – закричала я. – Я тебе что, алкашка какая-то?* (Л. Нечаева. Анютины глазки); *Да ты посмотри на него: у него штаны закатанные, как у негра, он же алкота, видно сразу по цвету лица, прям с плаката* (Н. Коляда. «Мы едем, едем, едем в далекие края...»).

Из примеров видно, что тональность высказывания способна изменить эмоциональную окраску экспрессива. Поэтому «одно и то же слово может употребляться в речи с разными видами эмоциональной оценки, например, ирон. и неодобр., ирон. и насмеш., ирон. насмеш. и пренебр., ирон. и презр. и т. п.» [там же: 49]. Этот вывод подтверждается, в частности, сравнением эмоционального тона извлеченных из НКРЯ контекстов, в которых используется одно и то же экспрессивное слово *бухарик* – «неумеренно пьющий человек, но еще не алкоголик» (<https://pikabu.ru/>):

Ее компаньоном оказался какой-то ублюдок с сальными патлами, явный бухарик (В. Громов. Компромат для олигарха) – выражение презрения, омерзительно-уничижительного отношения к спившемуся, опустившемуся человеку.

Бухарикам благодарное человечество вишило под левые лопатки по ампуле «эсперали» на пять лет, и теперь они ведут исключительно трезвый образ жизни, давая ежедневно десятки интервью (В. Сундеев. Сенсация, потрясшая мир) – выражение шутливо-ироничного отношения к закодировавшимся алкоголикам.

Вот приятели – такие же бухарики, как я сам, – и прозвали последним днем Помпеи, ну а для краткости просто Помпеем (Н. Дежнев. Год бродячей собаки) – выражение самоиронии.

Отличнейший парень, прямой, честный, бухарик, правда... Давайте-ка за помин его души (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть) – выражение сочувственного отношения к умершему человеку на его поминках.

Чего ж тогда, бухарик, разгуливаешь по проезжей части? – ехидно заметил всё тот же голос (Н. Дежнев. Год бродячей собаки) – выражение насмешливо-неодобрительного отношения к человеку, нарушающему правила дорожного движения.

2. **Контекстные усилители семантики экспрессивов:**

– **пояснительные слова или выражения**, раскрывающие семантику экспрессива¹, например: *...мне сам Бог велел. После бани и нищий пьет!* (В. Михальский. Храм Согласия); *Заметила, что в пятницу под деревьями часто со-*

бираются мужчины по дороге с работы и **«отдыхают»**, приносят с собой питье (<http://www.bolshoyvopros.ru>); **Мы обмыли** новую позму, то есть выпили водки и закусили копченой рыбой (В. Катаев. Алмазный мой венец); **Да, я хорош.** (В смысле пьян) (<https://vk.com>);

– **междометия и частицы**, например: **Счас...** как **вмажут для радости жизни!** (В. Тучков. Русский холод. Надуманное); **Ну ты и умалыздался!** Еле на ногах стоишь! (<https://otvet.mail.ru/>); **Вера, прищурившись, проводила его взглядом... чтоб тебе там обожраться** проклятой вашей водкой! (М. Халфина. Простая история);

– **вводные и модальные слова и выражения**, передающие эмоциональное состояние говорящего и оценку той ситуации, которая обозначается экспрессивным словом, например: **А где Санёк, почему на работу не вышел? Опять, что ли, набухался?** (<https://kartaslov.ru/>); **Последняя кружка, а то, не ровен час, до обеда набубенишься** можно (<https://sloooovo.ru/>); **И помчался** — небось до ближайшего гастронома, побыстрее **зенки залить** (Ф. Ошевнев. Верующий батюшка); **И нечаянно дошел до того, что выпивал** прежнюю порцию, и был только, что называется, **на кураже**, когда всё так отрадно и весело (С. Максимов. Лесная глушь);

– **слова-интенсификаторы**, выполняющие усилительную функцию в контексте, например: **Чумной какой-то, – насмешиливо бросила одна из них, – наверное, под балдой** (А. Ильин. Частный случай с историком Филёвым); **Вот классно мы в субботу отдохнули! Только Колян так нажрался – ни петь, ни рисовать – весь вечер коры мочил** (<http://slovoborg.su/>); **После выпитого мысли разбредались, голова болела и вообще я был какой-то квелый и недееспособный** (Н. Козаков. Дневник); **В один момент под вечер приходит ко мне в магазин алкаш подшофе, еле держится на ногах... И вот, когда этот бухорылый черт начинает с пьяных шар орать...** (<https://vk.com>);

– **сравнительные обороты**, раскрывающие образ, заложенный в семантике экспрессива, например: **Нажрался зелья-то и развозился, что пьяный медведь!** (Н. Златовратский. Между старою и новою правдой).

Итак, эмоциональная оценка, отражающая отношение говорящего к предмету речи, позволяет установить сформировавшиеся в коллективном или индивидуальном сознании носителей языка представления об употреблении алкоголя, то есть участвует в порождении экспрессивности лексических единиц, входящих в рассматриваемую нами коммуникативную сферу. Многочисленность и семантическое разнообра-

зие эмоционально-оценочных слов и фразеологизмов, используемых в ситуациях употребления алкоголя, свидетельствует о значимости эмоциональной оценки как языкового феномена и является показателем активного развития системы экспрессивных лексических средств русского языка.

Заключение

В коммуникативной сфере, связанной с употреблением алкоголя, функционирует большой массив разговорных экспрессивов, которые репрезентируют коллективные и индивидуальные представления носителей русского языка о различных аспектах принятия алкоголя. Ведущими компонентами семантической структуры многих экспрессивов являются коннотации интенсивности и эмотивной оценки.

Коннотация интенсивности прежде всего свойственна глаголам интенсивно-результативного способа действия, обозначающим превышение некой нормы питания, установленной в социуме. Помимо этого, в зоне экспликации интенсивности находятся экспрессивные лексико-грамматические единицы разных частей речи, обозначающие высокую степень опьянения.

Эмоционально-оценочная коннотация наблюдается практически во всех экспрессивах, характеризующих референты, связанные с винопитием. Хотя наибольшее разнообразие свойственно выражению отрицательно-оценочных эмоций, нами зафиксированы многочисленные случаи шуточной и ироничной окраски экспрессивов алкогольной тематики. В то же время на значение экспрессива оказывает влияние эмоциональная тональность контекста в целом, поэтому при анализе вектора экспрессивной оценки необходимо учитывать контекстные показатели: общую эмоциональность фразы, пояснительные, вводные и модальные слова и др.

Всё вышесказанное позволяет определить экспрессив, относящийся к номинативному полю «употребление алкоголя», как лексическую единицу (слово или фразеологическое сочетание), которая выражает эмоционально-психологическое отношение говорящих к разным аспектам ситуации винопития. Множество экспрессивов алкогольной тематики свидетельствует об их востребованности в речевом поведении носителей русского языка, а также о сформированности коллективных и индивидуальных представлений о границах социально одобряемой нормы употребления спиртных напитков. В связи с этим отражение в языке национально специфического общественного мнения об употреблении алкоголя является перспективной темой дальнейших лингвистических исследований.

Примечание

¹В примерах экспрессивы, связанные с употреблением алкоголя, выделены полужирным шрифтом, контекстные усилители семантики экспрессивных слов подчеркнуты.

Список источников

БАС – Большой академический словарь русского языка: в 27 т. М.; СПб.: Наука, 2004–2021.

КСАТ – *Пыгарский М. В.* Краткий словарь алкогольных терминов. URL: https://royallib.com/book/pogarskiy_mihail/kratkiy_slovar_alkogolnih_terminov.html (дата обращения: 21.07.2024).

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1984.

СЭРЯ – *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта, 2008. 459 с.

Список литературы

Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2001. 394 с.

Зимовец Н. В. К вопросу о классификации эмоционально-экспрессивных единиц в лингвистике // Система ценностей современного общества. 2009. № 1. С. 77–82.

Лукьянова Н. А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 211–215.

Лукьянова Н. А. Традиции и новации в изучении русской лексики разговорного дискурса // Русистика: сб. науч. тр. Киев: Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. Вып. 12. С. 10–22.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в парадигмах современной русистики // Ars philological: рассуждения о языке и тексте: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 5–33.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183–201.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 231 с.

Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 173 с.

Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984. 222 с.

Телия В. Н. Экспрессивность // Русский язык. Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1979. С. 403–404.

Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лекси-

кологии и словообразования. Вып. 8. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1979. С. 3–11.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.

Го Тунцин Социолингвистическое исследование эвфемизмов. Чэнду: Изд-во Юго-Западного университета Цзяотун, 2015. 184 с. 辜同清. 委婉语社会语言学研究. 西南交通大学出版社. 2015. 184 p. (Gu Tongqing. Wei wan yu she hui yu yan xue yan jiu. Cheng du: Xi nan jiao tong da xue chu ban she. 2015. 184 p.)

Ли Цинхуа Эвфемизмы в китайско-русской межкультурной коммуникации в условиях глобализации // Коммуникации в сфере культур. 2012. Р. 57–59. 李庆华 委婉语在全球化背景下中俄跨文化交际中的作用 // 文化视界. 2012. Р. 57–59. (Li Qinghua. Wei wan yu zai quan qiu hua bei jing xia zhong e kua wen hua jiao ji zhong de zuo yong // Wen hua shi jie. 2012. Р. 57–59.)

Сюй Сяодань Сопоставление русских и китайских эвфемизмов // Научная информация. 2008. С. 114–115. 徐晓丹. 俄汉委婉语对比 // 科技信息. 2008. Р. 114–115. (Xu Xiaodan. E han wei wan yu dui bi // Ke ji xin xi. 2008. Р. 114–115.)

References

Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow, URSS Editorial Publ., 2001. 394 p. (In Russ.)

Zimovets N. V. K voprosu o klassifikatsii emotional'no-ekspressivnykh edinit v lingvistike [On the classification of emotional-expressive units in linguistics]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [The Value System of Contemporary Society], 2009, issue 1, pp. 77–82. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. Diskussionnye momenty interpretatsii ekspressivnosti kak kategorii leksikologii [Discussion points in the interpretation of expressiveness as a category of lexicology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2009, issue 1 (9), pp. 211–215. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. Traditsii i novatsii v izuchenii russkoy leksiki razgovornogo diskursa [Traditions and innovations in the study of the Russian vocabulary of spoken discourse]. *Rusistika* [Russian Studies]: a collection of scientific works. Kiev, Taras Shevchenko National University of Kyiv Press, Lomonosov Moscow State University Press, 2012, issue 12, pp. 10–22. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v paradigmakh sovremennoy rusistiki* [Expressive vocabulary of colloquial usage in the paradigms of contemporary Russian studies]. *Ars philological: rassuzhdeniya o yazyke i tekste* [Ars Philological: Reflections on Language and Text]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2008, pp. 5-33. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte* [Expressive vocabulary of colloquial usage in the semantic aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2015, vol. 14, issue 9, pp. 183-201. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive vocabulary of colloquial usage (problems of semantics)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 231 p. (In Russ.)

Matveeva T. V. *Ekspressivnost' russkogo slova* [Expressiveness of the Russian word]. LAP LAMBERT Academic Publ., 2013. 173 p. (In Russ.)

Petrishcheva E. F. *Stilisticheski okrashennaya leksika russkogo yazyka* [Stylistically Colored Vocabulary of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 222 p. (In Russ.)

Teliya V. N. *Ekspressivnost'* [Expressiveness]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [The Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979, pp. 403-404. (In Russ.)

Cheremisina M. I. *Ekspressivnyy fond i puti ego izucheniya* [Expressive fund and the ways to study it]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Current Issues of Lexicology and Word Formation]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Press, 1979, issue 8, pp. 3-11. (In Russ.)

Shakhovskiy V. I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1987. 192 p. (In Russ.)

Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [A Linguistic Theory of Emotions], Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p. (In Russ.)

Yakobson R. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: 'za' i 'protiv'* [Structuralism: Pros and Cons], Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193-231. (In Russ.)

Go Tungqing. *Wei wan yu she hui yu yan xue yan jiu* [Sociolinguistic Study of Euphemisms]. Chengdu, Southwest Jiaotong University Press, 2015. 184 p. (In Ch.)

Li Qinghua. *Wei wan yu zai quan qiu hua bei jing xia zhong e kua wen hua jiao ji zhong de zuo yong* [Euphemisms in Sino-Russian intercultural communication in the context of globalization]. *Wen hua shi jie* [Cultural Perspectives], 2012, pp. 57-59. (In Ch.)

Xu Xiaodan. *E han wei wan yu dui bi* [The comparison of Russian and Chinese euphemisms]. *Ke ji xin xi* [Scientific Information], 2008, pp. 114-115. (In Ch.)

Semantics of Russian Expressive Vocabulary Connected with Drinking Alcohol

Zhang Xiaofei

Russian Language Teacher

Shandong University at Weihai

180, Wenhua rd., Weihai, 264200, China. 1311897238@qq.com

SPIN-code: 5103-8753

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3213-9835>

ResearcherID: LFT-1777-2024

Elena A. Bazhenova

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. bazhenova_e2000@mail.ru

SPIN-code: 2117-6927

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4580-4128>

ResearcherID: L-9322-2017

Submitted 18 Jun 2024

Revised 17 Sep 2024

Accepted 20 Sep 2024

For citation

Zhang Xiaofei, Bazhenova E. A. Semantika russkoy ekspressivnoy leksiki, svyazannoy s upotrebleniem alkogolya [Semantics of Russian Expressive Vocabulary Connected with Drinking Alcohol]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 82–91. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-82-91. EDN LCUMQZ (In Russ.)

Abstract. The paper provides a semantic analysis of expressive vocabulary that reflects the ideas of the Russian-language speakers about drinking alcohol. The material of the study are colloquial words and idioms expressing emotional / psychological attitude of the speakers to different referents of the alcohol consumption situation (that is: the process of drinking, the drinker himself, the alcoholic beverage, the state of intoxication, etc.). The authors study expressive units used by representatives of different social strata, including such units found in fiction, colloquial language, slang, vulgar speech. The theoretical and methodological framework of the study is based on the works of N. A. Lukyanova, T. V. Matveyeva, V. N. Teliya and other Russian linguists, where expressiveness is defined as a lexical category associated with the emotional-evaluative attitude of the speaker to the phenomena of reality and manifested in the connotative part of the lexical meaning of the expressive word. This study is the first to provide an analysis of the two semantic components of the ‘alcohol consumption’ vocabulary – intensity and emotional evaluation. It has been established that the intensity of the expressive vocabulary in question correlates with the deviation from the socially approved norm of drinking and the subsequent state of intoxication; this vocabulary manifests both negative and positive evaluation of the referents. The authors underline the influence of context on the emotional connotation of an expressive word and the consequent difficulty of interpreting expressive words (positively or negatively), describe the contextual means that make it possible to identify the emotional connotation of the used expressive.

The authors come to a conclusion that a large number of expressive lexical units in narrations about drinking alcohol indicate their relevance to the speech behavior of native speakers of the Russian language. This confirms the expediency of further study of collective and individual perceptions of alcohol consumption present in the Russian-language linguistic worldview.

Key words: expressiveness; expressive semantics components; Russian expressive vocabulary; alcohol consumption vocabulary.